

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Ланника Леонтия Владимировича
«Брестская система международных отношений как пространство германской
гегемонии в Восточной Европе в 1918 г.», представленную на соискание
ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 –
Всеобщая история.

Исследование Л.В. Ланника показывает ход и оценивает итоги германской экспансии в восточноевропейском регионе на заключительном этапе Первой мировой войны, вводя в научный оборот значительный пласт военных и дипломатических документов, отложившихся в архивах нескольких стран. Очевидна и актуальность представленной к защите работы – проведенные в 1918 г. границы перекроили западную часть Российской империи, сформировали новое геополитическое пространство со всеми его конфликтами и напряжениями, дающими о себе знать и в нынешнем веке. Например, нельзя не согласиться с автором в том, что «отрыв Украины от России становился *conditio sine qua non* для приемлемой для Германии геополитической ситуации на десятилетия вперед», или иными словами - краеугольным камнем всей брестской версии переустройства Восточной Европы, подразумевавшей победу Центральных держав в Первой мировой войне (с. 621).

Работу отличает комплексный взгляд на события рассматриваемого периода, глубина и широта их анализа, результатом чего является масштабная и динамично развивающаяся картина, включающая в себя военно-силовую, дипломатическую и экономическую составляющие. Автор избирает проблемно-региональный принцип изложения результатов исследования,

умело сочетая его с хронологическим подходом. Такой методический прием представляется вполне оправданным (главы сформированы по проблемам, параграфы рассматривают регионы). Узкий исторический отрезок, пестрота геополитического пространства, оккупированного Германией, побуждают согласиться с таким построением работы – как раз на фоне этой пестроты проявляются однотипные и идущие параллельно военно-политические процессы, что позволяют сделать вывод об их системном характере.

Наряду с самим ходом военной экспансии достаточное внимание автор уделяет сюжетам, связанным как с внутривойсковыми дебатами в Германии вокруг плодов и проблем, связанных с легкими завоеваниями на Востоке, так и с их оформлением в дипломатическом поле. При этом германские власти отнюдь не выступают единственным «демиургом» выстраиваемой системы - в работе представлен весь спектр внешних сил (от государств до революционных движений, от полководцев до дипломатов среднего уровня), которые так или иначе попали в орбиту этой экспансии.

Следует согласиться с автором в том, что особое место среди этих сил до и после заключения Брестского мирного договора занимала Советская Россия. Большевицкое правительство отказывалось от навязанной ему роли сателлита, пыталось реализовать собственную стратегию, неоднократно находясь на грани возобновления полномасштабных боевых действий. Основанное на широкой фактической базе сопоставление событий и процессов в Москве и Берлине, Киеве и Бухаресте позволяет автору впервые в историографической практике дать комплексную и системную картину происходящего, которая увязывает воедино отечественную и всеобщую историю, зачастую разделенную формальными перегородками академических специальностей.

В обзоре научной литературы Л.В. Ланник демонстрирует не только широкую эрудицию, но и показывает новизну собственного научного подхода, который можно признать междисциплинарным и синтезирующим. С одной стороны, речь идет о тех до сих пор не преодоленных стереотипах советской

эпохи, которые присутствуют в российской историографии последних десятилетий. Следуя логике «холодной войны», советские ученые делали акцент на ключевой роли держав Антанты в антисоветской интервенции, в результате чего период и пространство германской оккупации отходили на второй план.

С другой стороны – зарубежные, и прежде всего немецкие ученые представляли германское военное руководство в роли единственного субъекта, бесконтрольно хозяйничавшего на «ничейной» периферии Российской империи. Соглашусь с мнением автора, что описание боевых действий и оккупационной практики на Востоке по сей день остается невыигрышной и «неудобной темой», а следовательно, не вызывающей особого интереса у нового поколения западных историков.

В особом разделе историографического очерка раскрывается вклад историков стран постсоветского пространства в научное освоение проблем, смежных с поставленной темой, в чем автору помогает знание языков данного региона. В отличие от него мне кажется, что «этноцентричность» национальных историографий является не приобретенным недостатком, а «детской болезнью», для избавления от которой нужен продуктивный и непредвзятый диалог. Считаю детальный разбор трудов коллег, предпринятый в диссертации, лучшим приглашением к его началу или возобновлению.

Нельзя не поддержать сделанный по итогам анализа историографической базы вывод о том, что история оккупированных изучена на сегодняшний день гораздо лучше, нежели история оккупировавших. Этот вывод одновременно является центральным мотивом, который привел к появлению представленной на защиту диссертации. Забегая вперед, подчеркну, что в ее тексте обе стороны показаны в тесном взаимодействии, что становится основой для выдвижения тезиса о системности германской гегемонии, нашедшей свое отражение как в международно-правовых актах, так и в ежедневной практике оккупации.

Л.В. Ланник активно использует в своей работе широкий набор инструментов исторического анализа, включая в свою методологию как

отечественные (школа системного анализа МО А.С. Маныкина), так и зарубежные разработки (имперские и постимперские исследования, просопографический подход). Отдавая должное модным ныне трендам «взгляда снизу», изучения «военной повседневности», автор сохраняет верность собственному исследовательскому подходу, который уже утвердился в его предыдущих работах, и ставит во главу угла военно-дипломатическую элиту Германского рейха.

Источниковая база диссертации представляется не просто достаточной для решения поставленных задач – она более чем обширна, включая в себя как официальные документы военных и дипломатических ведомств, так и фронтовую прессу, личные и коллективные мемуары («полковые истории»). Обращает на себя внимание очевидная чересполосица в документальном наследии военных структур Германского рейха 1914-1918 гг., которые хранятся в архивах нескольких стран. В качестве пожелания на будущее можно было бы посоветовать автору не ограничиваться констатацией того, в каком архиве находится тот или иной объем источников, а попытаться реконструировать общую степень сохранности боевой документации германской армии эпохи Первой мировой войны.

Обращает на себя внимание то, что Л.В. Ланник является переводчиком на русский язык и издателем восьми книг – речь идет о мемуарной и научной литературе, посвященной тем или иным аспектам тематики диссертации. Это позволяет ему посмотреть на предмет своего исследования глазами современников, и прежде всего тех представителей правящей элиты, которые в годы войны во многом поневоле превратились в военных и дипломатов.

Исходной хронологической точкой диссертации является серия соглашений о перемирии, подписанных на Восточном фронте на рубеже 1917/1918 гг. Дальнейшая реструктуризация постимперских пространств в этой части Европы была неизбежна при любом исходе мировой войны, ее стимулировало подогревание этнического сепаратизма в стане противника. В рамках поставленной задачи ключевое место в работе занимает анализ

переговоров в Бресте. О Брестском мире написано немало, но весьма свежо выглядит анализ внутренних взаимоотношений и коллизий в немецкой делегации, которые далеко не всегда следовали устоявшемуся стереотипу конфликта между военными и дипломатами (Кюльман - Людендорф).

Автор справедливо возвращает в центр внимания «забытую» линию революционных выступлений в Германии и Австро-Венгрии в начале 1918 г., которые оказали немалое влияние на ход переговоров в Бресте. Известный сюжет с разыгрыванием «украинской карты» в диссертации дополнен новыми деталями, которые демонстрируют, насколько авантюрно вели себя в те дни руководители делегаций Центральных держав. В качестве критического замечания можно отметить, что и в данном, и во многих других случаях, автор безоговорочно доверяет дневнику немецкого дипломата графа Кесслера, который, будучи проницательным наблюдателем, отнюдь не входил в узкую группу лиц, принимавших принципиальные решения.

Во второй главе детально реконструирована операция германских войск «Фаустшлаг», поддержанная их союзниками и антибольшевистскими силами внутри бывшей Российской империи. В результате масштабного и скоротечного наступления (автор справедливо говорит о «рывке») наступавшие оккупировали Крым и Украину, перешли Дон, оказались на подступах к Курску и Брянску. Определенным преувеличением является утверждение о том, что на начальном этапе операции Советская Россия «на период около двух недель» вернулась в лагерь Антанты (с.152), хотя активные контакты большевистского руководства с ее эмиссарами в стране и имели место.

Реконструкция операции «Фаустшлаг» проведена на материалах полковых историй и штабных документов германских частей, так что мы впервые видим воочию изнанку событий, которые в отечественной историографии прошлого века подавались как «успешное противодействие агрессии германского империализма». Кстати, работы послевоенных лет, жестко следовавшие канонам советского официоза, вряд ли следует регулярно называть «марксистскими», что как минимум неточно (с.151).

Уделяя значительное внимание динамике взаимоотношений внутри Четверного союза, Л.В. Ланник выражает обоснованные сомнения в способности его лидеров (включая кайзера и императора) добиться такого уровня союзнической дисциплины, который позволил бы говорить о последовательном «разделении труда» при проведении оккупационной политики на Востоке, в том числе превращении последнего в стабильного поставщика материальных и сырьевых ресурсов. Данный раздел главы (к сожалению, никак не выделенный структурно) следует отнести к числу авторских удач, как с точки зрения новизны, так и в плане удавшейся гармонии содержательности и занимательности.

Третья глава диссертации является самой масштабной как по своему размеру, так и содержанию. Рассматривая в ней «имплементацию Брестской системы» в региональном разрезе, автор демонстрирует завидную эрудицию как в истории Германии, так и в истории стран, оккупированных германской армией к исходу Первой мировой войны на Восточном театре военных действий. Чтение главы приводит к мысли о том, что мы имеем дело не с одной, а с несколькими вариантами оккупации (и соответственно, имплементации), достаточно сравнить оккупационный режим в Польше и в Крыму, например.

Можно ли говорить об оккупации Грузии, если численность германского военного контингента в ней была незначительной? Не выделены структурно такие важные для понимания проблемы регионы, как Псковщина и Область Войска Донского, примеры которых демонстрируют многослойность уже начального этапа Гражданской войны в России. Данные соображения носят дискуссионный характер, их было бы меньше, если бы глава структурно завершалась развернутым обобщением форм и инструментов оккупационной политики Германии на Востоке.

Отличием четвертой заключительной главы диссертации является ее динамичность и нацеленность на анализ советско-германских отношений лета-осени 1918 г. В ней убедительно показано, как недосказанность и непроработанность брестских соглашений породила произвол в их понимании

и практической реализации немецкой стороной. Впервые в историографии предметом особого рассмотрения становится дипломатическая предыстория Добавочного договора, подписанного 27 августа 1918 г., а сам договор вписывается в широкий контекст Первой мировой и Гражданской войны в России, поскольку его недолгая жизнь была предопределена как решающими поражениями Германии на Западном фронте, так и успешной ликвидацией большевиками чехословацкого мятежа в Поволжье.

Тем не менее, Л.В. Ланник считает необходимым «высоко оценить Добавочный договор как попытку регулирования особого пространства, выводимого из противостояния Центральных держав с Антантой», подчеркнув его отличие от брестского «диктата» (с. 604, 605). Сюда же относится и оказавшаяся призрачной перспектива советско-германского «альянса» против Антанты и ее российских союзников на Мурмане и Северном Кавказе. Ее сторонники и лоббисты, готовившие договор (советский полпред А.А. Иоффе и руководитель «русского направления» в МИД Германии Р. Надольны), показаны в диссертации со всем мастерством биографического жанра.

Проведенное исследование ставит под сомнение устоявшийся в историографии тезис о противостоянии «умеренных» дипломатов и экспансионистов-военных при определении стратегического курса германской внешней политики в годы Первой мировой войны (позволяя себе публицистическую вольность, автор проводит аналогию с «игрой в хорошего и плохого полицейского» - с. 612).

Л.В. Ланник переносит акцент своего внимания из берлинских кабинетов в места дислокации германских эмиссаров на ключевых маршрутах Брестской системы, показывая реальное («горизонтальное») взаимодействие конкретных людей, а не абстрактных ведомств. Объем и качество привлеченных материалов, прежде всего из военных архивов Германии, позволяет говорить о том, что в диссертации реализован просопографический подход, давший очевидный прирост научного знания в рамках поставленной темы.

Исследование демонстрирует, в какой мере эволюция советско-германских отношений диктовалась большевиками, точнее, их успехами на внутривосточном фронте. И дело не только в военных победах, но и в развертывании невиданного социально-экономического эксперимента, за которым в Берлине следили с растущим вниманием, рассчитывая рано или поздно вернуться на огромный по своему потенциалу российский рынок.

Брестская система, как утверждается в диссертации, являлась «беспрецедентной по своим масштабам попыткой восстановления трансрегионального экономического пространства». Вряд ли можно говорить о практической, а тем более «масштабной» попытке выстроить единый хозяйственный механизм, тем более в финальной фазе Великой войны. Цена, которую Германия должна была заплатить за превращение западных регионов имперской России в свою собственную кузницу и житницу, оказалась ей попросту не по силам.

В этой связи хотелось бы высказать свое мнение о термине «передышки», которым оперировала вначале советская дипломатия, а затем и советская историческая наука. Автор предлагает отказаться от подобного понятия (см. напр. с. 687), считая, что «передышка» являлась, с одной стороны, иллюзией, а с другой - удачным пропагандистским ходом. Однако реальная цепь событий, представленная в диссертации, показывает, что введение германской экспансии в пусть непрочные, но все же международно-правовые рамки, заставило военную партию скрывать свои замыслы, вести, как говорят сейчас, «гибридную войну» на Востоке, не решаясь на развертывание полномасштабной агрессии против Советской России.

Полон драматизма завершающий раздел четвертой главы, написанный автором увлеченно и эмоционально (правда, сопровождающийся немалым количеством стилистических огрехов и опечаток). Речь идет о начале головокружительного демонтажа Брестской системы, связанного с развалом коалиции Центральных держав и все более беспорядочного германского отступления на Западном фронте. В новых условиях попытка «третьей сделки»

между Советской Россией и Германией, у которой имелись свои отцы и вдохновители (с. 656), так и не состоялась.

Немецкие военные и дипломаты, еще недавно столь уверенные в незыблемости «внутреннего фронта» в своей стране, обратили испепеляющие взоры на здание советского полпредства в Берлине. Последнее правительство Германской империи взяло курс на достижение компромиссного мира с Антантой за счет частичной уступки завоеваний на Востоке. Автор диссертации обоснованно утверждает, что в ходе подобной «большой игры», перенесенной позже на Парижскую мирную конференцию, творцы Брестской системы были посрамлены. Им не удалось ни сохранить завоевания предшествующих лет, ни получить запрошенную цену за не слишком убедительный образ Германии как «защитницы западной цивилизации от мирового большевизма».

Подведем итоги. Л.В. Ланнику удалось внести весомый вклад в анализ предпосылок и хода взрывной трансформации континентальных империй как результата первой в человеческой истории тотальной войны. Показан системный характер этого процесса, представлены все его региональные аспекты, в том числе выходящие за рамки исключительно германских амбиций. Автор справедливо указывает на особое значение Закавказского региона, где эти амбиции столкнулись с экспансией Османской империи, что едва не породило военный конфликт между союзниками по коалиции. Если «грузинский проект» стал камнем преткновения между Германией и Турцией, то «украинский» - между Германией и Австро-Венгрией. Каждый из них детально представлен на страницах диссертации, причем в серьезной научной полемике с историками постсоветских государств.

Проведенное исследование показывает, что не было и не могло быть общей шеренги лимитрофов, находившихся под диктатом германского сапога. Советская Россия явно не относилась к числу «осколков империи», ее ключевые центры не были подвергнуты оккупации, а правительство большевиков не стало ни сателлитом, ни вассалом Германской империи. Этот вывод носит принципиальный характер, и его подтверждают даже переговоры двух

государств о военной взаимопомощи, о которых умалчивала отечественная историография.

Автор пусть и не разрешил, но поставил крайне важный вопрос о том, успела ли трансформироваться германская экспансия на Востоке в систему, связавшую в единый узел государственные образования и политические силы региона. Представляется обоснованным вывод о «неизбежности системообразующих тенденций в ходе имплементации базовых межгосударственных договоров» в рассматриваемом регионе (с. 18).

Однако сам по себе этот вывод не дает ответа на вопрос, в какой момент эти тенденции достигают «точки невозврата», делают процессы необратимыми, а систему – системой. С точки зрения оппонента собранные и проанализированные в диссертации факты свидетельствуют о том, что такой точкой могла быть только победа Германии в мировой войне, или (как вариант) – достижение компромиссного мира, который оставлял бы за этой страной большую часть завоеваний на Востоке.

Бакинская история августа 1918 г., когда немецким военным и дипломатам приходится решать головоломку о том, какая из оккупаций нефтяных промыслов – турецкая, советская или антантовская - нанесет наименьший ущерб германским интересам, является наиболее ярким, но далеко не единственным примером того, насколько волатильной была сама система и насколько ослабленными доходили гегемонистские посылы до ее внешних рубежей.

В качестве пожелания на будущее хотелось бы отметить, что для законченного анализа «системности» Бреста предстоит уделить большее внимание такому фактору, как воздействие противников Германии на создаваемую ею систему региональной гегемонии. Оно осуществлялось как напрямую (десант Антанты на Севере России), так и опосредованно (антибольшевистские силы Сибири и Юга России, национальные движения в Прибалтике и т.д.).

Хотелось бы особо подчеркнуть уверенное использование и сравнительный анализ источников, появившихся по обе стороны Восточного фронта, который, как справедливо замечает автор, сохранился и после окончания фазы активных боевых действий к лету 1918 г. Раскрыто воздействие опыта, полученного военными властями Германии в этот период на логику действий вермахта во Второй мировой войне, причем не только на Восточном фронте.

Главным достоинством представленной к защите диссертации является целостная, динамичная и системная картина исторических процессов на западной периферии Российской империи, порожденных мировой войной и революцией. Ключевые положения и выводы представленного к защите текста отражены в автореферате, а также в 54 публикациях включая 2 монографии и 17 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации.

Диссертационное исследование соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор Л.В. Ланник заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Ватлин Александр Юрьевич,
доктор исторических наук,
профессор исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

02.02. 2022 г.

Подпись
А.Ю. Ватлина
заверяю

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, исторический факультет.

119992 Москва, МГУ, Ломоносовский проспект, дом 27, корп. 4.

Тел (495) 9393288.

vatlin_alex@mail.ru